

Сочинение на вольную тему

«Вишневый сад» Петера Штайна

Если бы социологи обратились к выпускникам советской средней школы с просьбой сказать, о чем написал свою пьесу «Вишневый сад» Чехов, убежден, подавляющее большинство, не задумываясь, ответило: о распаде дворянских гнезд. Мы твердо знали, что Катерина Кабанова — луч света в темном царстве, Татьяна Ларина — типичная представительница дворянства, а Базаров — нигилист. Зато будущее безусловно принадлежало Павлу Власову. Так изначально легче было воспитывать монолитное общество, которым затем ничего не стоило упразднить.

Петер Штайн явно учился в другой школе. Поэтому и ставит свои спектакли, словно пишет сочинение на вольную тему. Нет, нет, нет, что он склонен к амикшонству или к насилию над чужим трудом. Напротив, режиссер постоянно демонстрирует необычайное почтение к интеллектуальной собственности авторов, чьи пьесы он превращает в спектакли. Правда, сделать ему это не так-то сложно, если учесть, что он имеет дело с Эсхилом, Шекспиром, Гете.

Однажды Штайн заметил, что некоторые из его коллег сердятся на классиков за то, что те задают им слишком сложные задачи. И каждый раз мстят за это. Сам же он стремится к тому, чтобы в меру своих возможностей найти оптимальное решение, исходя из замысла драматурга, но при этом учитывая и интересы современников. Может быть, именно поэтому его так привлекает Че-

хов с его неоднозначностью суждений о жизни и людях, ее населяющих? Во всей мировой классике трудно найти другого, более противоречивого писателя, которому так бы хотелось стать на сторону почти любого из своих героев. Чехов позволяет себе в лучшем случае иронически относиться к одному-двум из своих персонажей в каждой пьесе. Все они хорошо известны: Боркин, Зююшка, Аркадина, Серебряков, Наташа, Яша. Остальных он любит, жалеет, даже если не может с ними согласиться.

Вероятно, изначально отсутствие прагматической заданности и приводит к тому, что Чехов чаще других подвергается насилию. Интерпретаторы его пьес либо формально следуют мхатовской традиции, от которой по существу давно уже ничего не осталось, либо совершают покушение на святая святых чеховского письма.

Петер Штайн влюблен в Чехова, а вместе с ним и в искусство Художественного

театра. справедливо полагаю, что одно не могло бы состояться без другого. Из всех здравствующих режиссеров он, по-моему, единственный, кто действительно исповедует вероучение Станиславского, что не мешает ему знать и другие системы.

«Вишневый сад», показанный теперь в Москве, как и «Три сестры», прибывшие к нам из Берлина впервые в 1989 году, стали сенсацией сезона. Поставленные без помощи клея и ножниц, обе пьесы оказались удивительно современными. Растерянность общества, ощущение надвигающейся катастрофы, предприимчивость одних в сочетании с беспомощностью других, метания из стороны в сторону в надежде обрести хоть какую-то точку опоры — таков далеко не полный список тем, отыскавшихся сейчас в комедии.

Главное условие успеха любого прочтения чеховской драматургии обязательно связано с решением проблемы ансамбля. В отличие,

скажем, от «Гамлета» здесь нельзя ограничиться удачей одного исполнителя. Нужны особая атмосфера, настроение, небольшая тайна. Без нее Чехов превращается в самого банального, а главное — беспомощного сочинителя скучных диалогов.

Штайн прекрасно все понимает, и потому его спектакли производят такое ошеломляющее впечатление, хотя он специально к этому не стремится. Ютта Лампе, исполняющая роль Раневской, одна из выдающихся актрис современного мирового театра. Как и Штайн, она полагает, что ее героиня — фигура страдательная, тонкая, интеллигентная, незащищенная, легкоранимая. С переменчивостью ветра она запросто переходит из одного состояния в другое. И вовсе не из легкомыслия, а в силу своего природного устройства.

В отличие от некоторых современных актрис и режиссеров, принявших на веру слова Гаева о том, что се-

стра его порочна, Ютта Лампе и в голову не берет все эти глупости. Она любит, хотя и осознает, что чувство это способно ее погубить, но ничего с собою сделать не может, да и не хочет. Поразительно наблюдать, как болезненно рвет Раневская бесконечные парижские депеши с призывами простить и поскорее вернуться. Кажется, в руках у нее не бумага, а предмет вполне одушевленный, живой, испытывающий физические страдания.

Штайн пользуется в «Вишневом саду» приемами кинематографического монтажа, когда в финале третьего акта перебивает рыдания Любови Андреевны очередным танцем гостей, вводя в действие отчаянный контрапункт. Сцена была решена в лучших традициях старого МХАТа. Одно, что удивляет, отчего это гости, живущие в средней полосе, пляшут на балу нечто очень смахивающее на лезгинку?

В программе сказано: немецкая версия — Гудрун Дювель и Петер Штайн. Как мне показалось, это не оговорка, а наиболее точное определение сущности того, что мы сейчас увидели у Штайна. Да, это немецкий спектакль из русской жизни, но возможны и другие варианты. Может быть, потому Фестиваль и взял себе имя Антона Павловича, что Чехов, будучи русским писателем, давно принадлежит всему человечеству. Вот к чему в конечном итоге привело нас сочинение на вольную тему Петера Штайна.

Борис ПОЮРОВСКИЙ.

11 Вечерний выпуск
8.10.92